

Tomasz Szwaciński

<https://orcid.org/0000-0002-5209-3515>

Warszawa–Legionowo

Гонка курьеров: переломный момент в кризисе российско-британского союза накануне Семилетней войны*

Wyścig kurierów: punkt zwrotny w kryzysie sojuszu rosyjsko-brytyjskiego w przededniu wojny siedmioletniej

Courier Race: A Turning Point in the Crisis of the Russian-British Alliance on the Eve of the Seven Years' War

Аннотация: Благодаря одновременному анализу источников обеих сторон, можно заметить очень важный момент в ходе кризиса русско-британского союза во время «дипломатической революции» 1756 года. В мае русские отправили новые инструкции своему послу в Лондоне Александру Голицыну, а британский посол в Санкт-Петербурге Чарльз Ханбери Уильямс ждал официальной позиции России. В результате русский курьер прибыл в Лондон раньше британского. Поэтому британским министрам пришлось вести переговоры с Голицыным, не имея собственных новостей о ситуации в Петербурге. В их ходе госсекретарь граф Холдернесс подтвердил, что Великобритания нуждается в союзнике для борьбы с Францией, и предложил начать новые русско-британские переговоры, минуя Уильямса. Российский дипломат ответил уклончиво. Британцы наконец-то поняли, что Россия, как и Австрия, могут перестать быть их союзниками. Поэтому они сосредоточились на попытках индивидуально добиться расположения русских дипломатов, что не увенчалось успехом. Русские, напротив, вели изощренную игру, которая еще больше усиливала дезориентацию Уайтхолла.

Abstrakt: W przebiegu kryzysu sojuszu rosyjsko-brytyjskiego w trakcie „rewolucji dyplomatycznej” w 1756 r. dzięki równoczesnej analizie źródeł obu stron możemy zauważyć

* Этот текст был прочитан (удаленно, онлайн) во время конференции в Германском историческом институте в Москве: Россия и Семилетняя война (1756–1763): политика, армия, культура и люди эпохи, 27–28 мая 2021 г. После 24 февраля 2022 г. я почувствовал себя обязанным отказаться от публикации текста в России (ср.: *Россия в глобальном конфликте XVIII века. Семилетняя война (1756–1763) и российское общество: коллективная монография*, Historia Rossica – Studia Europaea, ред. М.Ю. Анисимов и Д.А. Сдвижков, Москва 2023). За помощь в подготовке текста хочу выразить искреннюю благодарность Кириллу Александровичу Кочегарову. Дополнительные исследования в Лондоне стали возможными благодаря щедрости Фонда из Бжезя Ланцкороньских (Fundacja z Brzezia Lanckorońskich).

bardzo ważny moment. W maju Rosjanie wysłali nowe instrukcje dla swego ambasadora w Londynie, Aleksandra Golicyna, podczas gdy ambasador brytyjski w Petersburgu, Charles Hanbury Williams, czekał na ich oficjalne stanowisko. W efekcie kurier rosyjski przybył do Londynu przed kurierem brytyjskim. Ministrowie brytyjscy musieli zatem przeprowadzić rozmowy z Golicynem, nie mając własnych wiadomości o sytuacji w Petersburgu. W ich trakcie sekretarz stanu hr. Holderness potwierdził, że Wielka Brytania potrzebuje sojusznika do walki z Francją i zaproponował rozpoczęcie nowych negocjacji rosyjsko-brytyjskich, z pominięciem Williama. Rosyjski dyplomata odpowiedział wymijająco. Brytyjczycy zrozumieli wreszcie, że Rosja, podobnie jak Austria, może przestać być ich sojusznikiem. Skupili się zatem na próbach indywidualnego pozyskania rosyjskich dyptomatów, co było nieskuteczne. Rosjanie natomiast prowadzili wyrafinowaną grę, która pogłębiała jeszcze dezorientację Whitehall.

Abstract: Thanks to the simultaneous analysis of the sources of both sides, we can observe a very important moment in the crisis of the Russian-British alliance during the 'diplomatic revolution' in 1756. In May the Russians sent new instructions to their ambassador in London, Alexander Golitsyn, while the British ambassador in St Petersburg, Charles Hanbury Williams, was waiting for their official position. As a result, the Russian courier arrived in London before the British courier. British ministers therefore had to hold talks with Golitsyn without having their own information about the situation in St Petersburg. During this negotiation, Secretary of State, earl of Holderness, confirmed that Great Britain needed an ally to fight with France and he proposed to open new Russian-British negotiations, excluding Williams. The Russian diplomat replied evasively. The British finally had understood that Russia, like Austria, might no longer be their ally. Therefore, they focused on trying to enlist to their own site Russian diplomats, which was ineffective. The Russians, on the other hand, played a sophisticated game that further deepened Whitehall's confusion.

Ключевые слова: Ключевые слова: Россия, Великобритания, дипломатия, альянс, переговоры

Słowa kluczowe: Rosja, Wielka Brytania, dyplomacja, sojusz, negocjacje

Keywords: Russia, Great Britain, diplomacy, alliance, negotiations

Колоссальная роль России в процессе «дипломатической революции» и генезисе Семилетней войны была замечена уже более 70 лет назад¹. Представляется бесспорным, что одним из важнейших элементов изменений, происходивших в то время в европейской системе великих держав, был кризис союзнических отношений между Петербургом и Лондоном. В 1755 году Россия и Великобритания укрепили свои партнерские отношения только для того, чтобы через год оказаться по

¹ H. Butterfield, *The Reconstruction of an Historical Episode: The History of the Enquiry Into the Origins of the Seven Years' War*, Glasgow 1951; W. Mediger, *Moskaus Weg nach Europa: Der Aufstieg Russlands zum Europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen*, Braunschweig 1952.

разные стороны баррикад в большом мировом конфликте (хотя формально между ними не было войны и их армии не воевали). Это придает изучению двусторонних отношений между этими державами большой познавательный потенциал. Поэтому неудивительно, что этот вопрос интересовал многих историков, рассматривающих его с точки зрения как российских², так и британских³ источников. Однако, обращая внимание на развитие исследований, мы отмечаем определенный методологический недостаток. До сих пор историки не проводили систематического сопоставления содержания источников, написанных одновременно обеими сторонами⁴. Кажется, это в немалой степени затрудняет понимание сложной и тонкой дипломатической игры, в которую играли руководители по внешней политике великих держав, в месяцы предшествовавшие войне.

В этом тексте представлены события с мая по август 1756 года, когда Лондон серьезно начал опасаться, что Россия «убегает» от системы безопасности, разработанной в Уайтхолле.

Выполняя описанный выше постулат, удалось изучить с одной стороны британскую дипломатическую переписку госсекретаря Северного департамента Роберта Дарси, 4-го графа Холдернесс (Robert Darcy, 4th Earl of Holderness) и посла в Санкт-Петербурге Чарльза Ханбери Уильямса (Charles Hanbury Williams)⁵, а с другой стороны протоколы

² С.М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. XII: (1749–1761), т. 23–24, Москва 1964 (первое издание: 1873, 1874); Н.Н. Яковлев, *Европа накануне Семилетней войны*, Москва 1997; Ю.С. Медведев, *Русско-английские отношения в середине XVIII века (1748–1763)*, диссертация, Российский Университет дружбы народов, Факультет гуманитарных и социальных наук, Москва 2005; М.Ю. Анисимов, *Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.)*, Москва 2020.

³ F. von Raumer, *König Friedrich II und seine Zeit (1740–1769)*, „Beiträge zur neueren Geschichte aus dem Britischen Museum und Reichsarchiv“, т. 2, Leipzig 1836; он же, *Contributions to modern history from the British Museum and the State Paper Office*, т. 2: *Frederick II and His Times*, London 1837; [А.И. Тургенев], *La Cour de Russie il y a cent ans: 1725–1783. Extraits des dépêches des ambassadeurs Anglais et Français*, Paris–Berlin–Leipzig 1858 (изд. 2); D.B. Horn, *Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy (1747–1758)*, London–Bombay–Sydney 1930; H. Kaplan, *Russia and the Outbreak of the Seven Years' War*, Berkley–Los Angeles 1968; P. Hanczewski, *Dyplomacja brytyjska w Europie Środkowo-Wschodniej w latach 1748–1756. Misje w Berlinie, Dreźnie, Petersburgu i Wiedniu*, Toruń 2001.

⁴ Ср.: Т. Szwaciński, *Rosyjsko-brytyjskie stosunki dyplomatyczne na sasko-polskim gruncie w przededniu pruskiej agresji: Heinrich Iwanowicz Gross a David Murray wicehrabia Stormont (czerwiec–sierpień 1756)*, „Kwartalnik Historyczny”, 2015, т. 122, № 3, с. 475–508.

⁵ The National Archives, London, Secretaries of State: State Papers Foreign, Russia (1565–1780) (далее: TNA SP), 91/62, 91/63.

российской Конференции при Высочайшем дворе⁶, а также копии двух реляции посла России в Лондоне Александра Голицына⁷.

* * *

Российско-британская конвенция о субсидиях, подписанная 19/30 сентября 1755 года в Санкт-Петербурге, должна была укрепить союз двух держав и способствовать повышению безопасности блока государств, ядром которого были Россия, Великобритания и Австрия. Однако уже в ходе переговоров возникли далеко идущие противоречия, которые предвещали заключенному договору плохое будущее. Русская сторона отложила ратификацию соглашения, а когда она, наконец, сделала это, то приложила к нему «секретнейшую декларацию», в которой говорилось, что Елизавета Петровна видит в качестве противника только Фридриха II. Это было неприемлемо для англичан, которые, считая, что Россия уже «куплена», подписали 16 января 1756 года конвенцию (Вестминстерскую) с королем Пруссии. По приказу из Лондона Уильямс передал русским «секретнейшую декларацию» обратно на конференции с обоими канцлерами 27 IV/8 V 1756 г. Петербургский двор был полон решимости вступить в войну с Фридрихом II, но исходя из собственных расчетов и учитывая советы австрийского союзника, начал игру, направленную на дезинформацию Уайтхолла с целью поддержать надежду англичан на сохранение альянса. В указанное время внешняя и военная политика были сосредоточены в созданной недавно Конференции при Высочайшем дворе, на совещаниях которой императрица неоднократно присутствовала лично. С другой стороны, для британских политиков, напуганных франко-австрийским сближением, удержание России в орбите влияния Англии стало *conditio sine qua non* спасения Ганновера и сохранения влияния на континенте⁸.

4/15 мая 1756 г. Голицыну были отправлен рескрипт, в котором он был проинформирован о ходе переговоров с Уильямсом (записка

⁶ Сборник Императорского Русского исторического общества, т. 136: *Протоколы Конференции при Высочайшем дворе*, ч. 1: 14 Марта 1756 г. – 13 Марта 1757 г., Санкт-Петербург 1912 (далее: СИРИО 136).

⁷ T. Szwaciński, *Dwie relacje Aleksandra M. Golicyna z Londynu (czerwiec 1756 r.)*, в: *Pierwszy rozbiór Polski w świetle najnowszych badań*, ред. J. Bajera, J. Kordela, Warszawa 2023, с. 131–155.

⁸ D.B. Horn, *Sir Charles Hanbury Williams...*, с. 220–253; Н. Каплан, *Russia and the Outbreak...*, *passim*; T. Szwaciński, *Rosyjsko-brytyjskie stosunki dyplomatyczne...*, *passim*; М.Ю. Анисимов, *Россия в системе...*, с. 263–297; Ю.С. Медведев, *Русско-английские отношения...*, с. 57–66, 78–79. Российский протокол конференции 27 IV/8 V 1756 г. изучал: С.М. Соловьев, *История России...*, с. 364, 650.

о конференции 27 IV/8 V 1756 г.). Ему напомнили, что британцы не должны забывать, как во время переговоров по соглашению о субсидиях в качестве неприятеля рассматривался единственно Фридрих II. Отсутствие четкого определения врага в самой конвенции было результатом британских требований и служило только тактическим целям (сдерживание других возможных нападавших). Рескрипт ясно показал отношение России к новой политике Великобритании: «Мы потому законное и неоспоримое имели б право нашу от 19 сентября прошлого году, английским двором по ныне ни малейше не исполненную, конвенцию теперь совсем недействительно объявит [...] но наша к королю дружба преодолагает ещё над справедливым возчувствованием». «Секретнейшая декларация» была приложена к рескрипту с приказом снова вручить ее британской стороне. Письмо канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина к Голицыну (та же дата) четко свидетельствует об утрате доверия к англичанам: «Коль осторожно и осмотрительно имеет быть ваше с английским министерством поведение, и коль рачительно избегать от всяких с ними конфидентных разговоров и рассуждений, довольствуясь единым министеральным по указам исполнением; ибо теперь довольно видеть можно сии люди ко всякому цепляются, а сами, напротиву того, от всего отпираются». Послание было отправлено вместе с переводчиком Алфимовым в качестве курьера, который прибыл в Лондон вечером 14 июня⁹.

Чрезвычайно важное значение имело то, что русские демонстративно проигнорировали Уильямса. Они заставили его ждать ответа (официальной позиции России) после апрельской/майской конференции, из-за чего дипломат откладывал передачу в Лондон подробного отчета о ее ходе¹⁰.

⁹ Рескрипт от 4/15 V 1756 г. упоминает: А.М. Голицын к Елизавете Петровне, Лондон, 11/22 VI 1756, T. Szwaciński, *Dwie relacje...*, с. 133–134. Сам текст рескрипта изучали: Н.Н. Яковлев, *Европа...*, с. 77; он же, *Россия и Великобритания накануне Семилетней войны: от союза к конфронтации*, в: он же, *Британия и Европа (сборник)*, Москва 2000, с. 205, 207; Ю.С. Медведев, *Русско-английские отношения...*, с. 60–61, 78 (исправляет ошибки Яковлева). Тот же архивный шифр, как Яковлев и Медведев (Архив внешней политики Российской империи [далее: АВПРИ], ф. 35/1, д. 776, л. 87–91), упомянул: Н. Kaplan, *Russia and the Outbreak...*, с. 69. Американский историк заявил, что здесь содержится письмо Бестужева к Голицыну (дату не уточнил); однако в основном тексте он обсуждает только реляцию Уильямса от 5 VI 1756 г. Письмо Бестужева к Голицыну, 4/15 V 1756 г. (шифр: АВПРИ, ф. 35/1, д. 776, л. 92–93), цитирует: Ю.С. Медведев, *Русско-английские отношения...*, с. 65, 79.

¹⁰ Кратко информирует о конференции 27 IV/8 V 1756 г. и ожидает российской позиции, Williams to Holderness, St Petersburg, 8, 11, 15, 18, 22, 25, 29 V 1756, TNA SP 91/62.

Только в конце мая из письма, полученного от Бестужева, он узнал, что ожидаемый ответ был уже отправлен Голицыну¹¹. Такой шаг русских Уильямс оправдывал своими твердыми требованиями получения российского ответа после упомянутой конференции. Влияние имела также реляция Голицына, содержание которой доподлинно неизвестно, в которой российский дипломат упомянул тот факт (по информации Уильямса), что Холдернесс не сообщил ему, российскому послу, о важном деле и якобы объявил, что отправит это сообщение Уильямсу. Елизавета Петровна решила действовать адекватно ситуации и в результате британский дипломат получил от канцлера Бестужева информацию о том, что до Голицына доведена российская позиция о готовности воевать только с прусским королем. Бестужев в информации, предоставленной Уильямсу, подчеркнул, что такой ход дел это была интрига его, канцлера, врагов при петербургском дворе – типичное оправдание этого российского сановника¹². Уильямс добивался хорошего отношения к Голицыну в Лондоне, обратил внимание на важность его реляции, которые были прочтены самой императрицей¹³. В результате упомянутых обстоятельств вышеописанный отчет Уильямса об апрельской/майской конференции был подготовлен с задержкой в один месяц. Добавим, что анализы посла показывают, что он был дезинформирован русскими. Английский курьер Поллок выехал из Петербурга 6 июня, 17 числа прибыл в Берлин, а пакет доставил в Лондон 24 июня¹⁴.

¹¹ „Sur ce que Votre Excellence m'a demandé par sa lettre à savoir des intentions de Sa Majesté Impériale par rapport à ce qui s'était passé dans la conférence le 27 d'avril, j'ai l'honneur de vous dire, Monsieur, que les ordres de l'impératrice sur ce sujet ayant été expédiés par un courier à Monsieur le prince Goltzin son envoyé extraordinaire à Londres, la cour de Votre Excellence en sera déjà parfaitement instruite”, A. Bestoujev à Williams, Saint-Petersbourg, 20/31 V 1756 (l'autographe), TNA SP 91/63.

¹² Williams to Holderness, St Petersburg, 5 VI 1756, TNA SP 91/63. Cp.: D.B. Horn, *Sir Charles Hanbury Williams...*, с. 233–234.

¹³ „Prince Gallitzin's letters to this court, are constantly read by the empress. And it will be of the greatest importance, for the future, that that gentleman should be kept in good humour. For some of his peevish letters have done a great deal of harm here”, Williams to Holderness, St Petersburg, 5 VI 1756 („most secret”), TNA SP 91/63.

¹⁴ Williams to Holderness, St Petersburg, 5 VI 1756 – два письма (without name and „most secret”) были доставлены в Лондон 24 VI 1756, „by Pollock”, TNA SP 91/63. По пути Поллок доставил письма Уильямса в Берлин к британскому послу Эндрю Митчеллу (Andrew Mitchell). Последний сообщил пруссакам, что положение англичан в Петербурге пошатнулось, а Вильямс не может иметь полного доверия к Бестужеву и не имеет полных сведений о содержании рескриптов, посланных Голицыну, K.W. von Finckenstein à Frédéric II, Berlin, 18 VI 1756, *Politische*

До этого (с 17 по 23 июня) посол России в Лондоне, Александр Михайлович Голицын, провел переговоры с британскими политиками: премьер-министром герцогом Ньюкаслским (Thomas Pelham-Holles, 1st Duke of Newcastle) и вышеупомянутым госсекретарем Холдернессом. Первый выразил горькое разочарование российской «секретнейшей декларацией», особенно учитывая новый союз Лондона и Берлина. Он также сообщил, что Уильямс, заявив о распространении соглашения о субсидиях только на действия против Фридриха II, превысил свои инструкции. Главным врагом Великобритании была Франция. Голицын, со своей стороны, декларировал, что «секретнейшая декларация» была выражением искренности России по отношению к британскому союзнику. В свою очередь, Холдернесс подтвердил, что Великобритании нужен союзник для борьбы с Францией, и предложил начать новые российско-британские переговоры, на этот раз в Лондоне с Голицыным. Российский дипломат ответил уклончиво, высказав предпочтение, чтобы новые переговоры, как и предыдущие, проходили в Санкт-Петербурге с Уильямсом. Он сам попросил у своих руководителей инструкции по этому вопросу, прямо описав ситуацию: „я с сожалением должен признаться, что здесь ныне ни видят, ни слышат, как через глаза, так и уши, короля пруссакого, чему обоюдная опасность сих государей одною причиною есть, яко же и продолжению теснейшаго между ими союза”. Вышеупомянутые британские политики, сославшись на мнение короля Георга II, сообщили Голицыну, что лондонский двор не может официально принять «секретнейшую декларацию». Вместе с тем они пытались, используя широкий спектр аргументов, убедить Елизавету Петровну остаться в союзе с Великобританией, предлагая заключить новую британско-российскую конвенцию. Описав заявления англичан в депеше, предназначенной для своего двора, российский дипломат провел широкий анализ международной ситуации Великобритании. Утром 25 июня Ньюкасл собственноручным письмом из Кенсингтона сообщил Голицыну, что он получил приказ от Георга II (в связи с депешами, пришедшими накануне от Уильямса из Петербурга) о вступлении в переговоры с Голицыным¹⁵.

Correspondenz Friedrich's des Grossen, т. 12, ред. А. Naudé, Berlin 1884, с. 426–427 (№ 7582). Ср.: Е.Н. Щепкин, *Русско-австрийский союз во время Семилетней войны, 1746–1758 гг.*, Санкт-Петербург 1902, с. 304; P.F. Doran, *Andrew Mitchell and Anglo-Prussian Diplomatic Relations During the Seven Years War*, New York–London 1986, с. 59–63, 91–92.

¹⁵ А.М. Голицын к Елизавете Петровне, Лондон, 11/22, 14/25 VI 1755, Т. Szwaciński, *Dwie relacje...*, с. 133–154.

После переговоров с Голицыным в Уайтхолле были составлены обширные инструкции для Уильямса. Холдернесс сообщил дипломату, что российский посол представил в Лондоне позицию России, которая была связана с апрельской/майской конференцией в Санкт-Петербурге (как говорилось выше, подробный отчет сэра Чарльза о ней еще не дошел). По словам госсекретаря, рескрипт Голицына был полон резких и агрессивных выражений и заключал в себе неверное толкование Субсидной конвенции. Голицын также передал оригинал «секретнейшей декларации» госсекретарю, который воспринял это как вручение «депозита», который не может быть окончательно ни принят, ни отклонен без решения короля¹⁶. В связи с произошедшим Холдернесс разработал очень обширную аргументацию, которая должна была опровергнуть позицию русских, а Уильямс должен был использовать ее на переговорах в Санкт-Петербурге. Госсекретарь начал с договора 1742 года, дополнением которого он считал соглашение о субсидиях, поэтому вопрос об ограничении *casus foederis* должен был быть исключен. Он также опроверг предположение о том, что Вестминстерская конвенция является нарушением 2-го артикула секретного и сепаратного соглашения о субсидиях. Фридрих II не был упомянут в русско-британском договоре как общий враг, потому что войны на момент заключения соглашения не было. В положениях артикула 7-го можно найти лишь «небольшую тень» обоснования российской позиции. Подобный намек связан с условием, что «диверсия» (то есть военные действия по оказанию помощи союзнику) будет проводиться в странах, близких к России.

¹⁶ „During the suspense, in which His Majesty has been kept, by your late accounts, as to the event of the conference, you had had with the two chancellors, it has appeared, that the Russian ministers have chosen another method, and have sent their orders to prince Galitzin, who, having read over to me, yesterday seven night, an extract, he had made, of a rescript, which he received by a messenger, from his court; full of very strong, and, I might say, offensive expressions, and false reasoning, to support the meaning, they give to the treaty in question, threw upon my table, as he said he was directed to do, the original declaration, transmitted to me in your letter of the 19th February, and which, I suppose, Your Excellency had returned to the two chancellors, in obedience to the king's commands. I acquainted him, at that time, that, though the paper was left with me, as a deposit, I could not accept, nor would I refuse it, till I should receive His Majesty's commands”, Holderness to Williams, London-Whitehall, 25 VI 1756 (long) (текст инструкции был отправлен „by a Russian courier”), TNA SP 91/63. Под датой 25 VI 1756 г. были отправлены две депеши, для большей точности мы дали им имена: long и short. Эти тексты были предметом исследования следующих историков: D.B. Horn, *Sir Charles Hanbury Williams...*, с. 225–226, 239–240; Н. Kaplan, *Russia and the Outbreak...*, с. 70; P. Hanczewski, *Dyplomacja brytyjska...*, с. 188, 194, 208.

После заключения Субсидной конвенции представлялось вполне вероятным, что российская «диверсия» будет направлена против союзной с Францией Пруссии. Отсюда и такое положение, которое, однако, не ограничивало действие договора. Георг II разрешил провести в данном случае дополнительные переговоры, но без нарушения основных принципов британо-российской конвенции. Подробное изложение международной ситуации должно было служить подтверждением тезиса о том, что наибольшая сила Фридриха II заключалась в союзе с Францией, поэтому было целесообразно ослабить его связи с этой державой, чему служила как раз Вестминстерская конвенция. С другой стороны, полагал Холдернесс, война против прусаков будет несправедливой, опасной и дорогой. Австрия была той страной, которая разрушила европейскую систему, сблизившись с Францией, поэтому ее интересы в Европе уже не совпадали с интересами России. Если Елизавета Петровна встала бы на сторону Франции, Георгу II пришлось бы отказаться от защиты своих интересов на континенте, что в итоге привело бы к ухудшению позиций России, в том числе из-за усиления влияния Версальского двора в Польше¹⁷.

Пока писались инструкции, Поллок прибыл в Уайтхолл с известным нам пакетом документов. Холдернесс очень небрежно ответил Уильямсу, предположив, что главной темой переговоров с Голицыным была реакция Вены на Вестминстерскую конвенцию¹⁸, он также категорически отрицал, что послом России в Лондоне пренебрегли¹⁹. Вскоре

¹⁷ Holderness to Williams, London-Whitehall, 25 VI 1756 (long), TNA SP 91/63. Холдернесс также сослался на аргументы, содержащиеся в депешах британскому послу в Вене, Роберту Кейту (Robert Murray Keith) от 23 III 1756, текст этих депеш рассматривали: D.B. Horn, *Sir Charles Hanbury Williams...*, с. 233; Н. Kaplan, *Russia and the Outbreak...*, с. 71–72; P. Hanczewski, *Dyplomacja brytyjska...*, с. 188–190.

¹⁸ „Since I have received your letters, I have had some conversation with prince Galitzin, and have thoroughly cleared up, with him, what you mention, concerning a former conversation, I had with him; which arose, upon his asking me, some time ago, what I knew of the thoughts, of the court of Vienna, upon the treaty, His Majesty had lately signed with the king of Prussia. In answer to which, I told him, that I was in daily expectation of the return of a messenger from thence; at which time I should be enabled to give him some farther *éclaircissements*”, Holderness to Williams, London-Whitehall, 25 VI 1756 (short), TNA SP 91/63.

¹⁹ „It is impossible to conceive, how that can be looked upon, as a slight or neglect of the Russian minister; nor does he, himself, understand it in that light; though he remembers, perfectly well, what passed between us, at the time I mention. I have given that minister the most ample information, in my power, as well of the general situation of affairs, as of His Majesty’s particular views, in regard to his court, which, I am persuaded, he will state in a fair and equitable manner”, там же.

переводчик Алфимов отправился обратно в Россию. Он вез с собой не только реляции Голицына, но и инструкции для Уильямса.

Следует отметить, что Холдернесс в официальной переписке не сообщил Уильямсу о наиболее важных предложениях, сделанных Голицыну. Мы знаем, что это была инициатива самого премьер-министра герцога Ньюкаслского. Отставка сэра Чарльза также серьезно рассматривалась²⁰. Пренебрежение, продемонстрированное русскими по отношению к Уильямсу, стало, судя по всему, шоком для британских политиков, поскольку оно было недвусмысленным доказательством хрупкости его влияния в Санкт-Петербурге. При этом Уайтхолл начал использовать столь же сомнительные методы, что и сам сэр Чарльз. В том числе англичане наивно рассчитывали на пробританскую позицию российских дипломатов: Германа Кейзерлинга (Вена), Александра Головкина (Гаага), Генриха Гросса (Дрезден) и, конечно же, самого Голицына, который должен был стать главным «каналом связи» со двором Елизаветы Петровны. Руководители британской внешней политики запланировали, по словам Дэвида Бэйн Горна, „убедить их [российских дипломатов] оказать влияние в Петербурге в пользу Британии”²¹.

Обеспокоенность, вызванная переговорами с российским дипломатом, была задокументирована в отчете, представленном Фридриху II его представителем в Лондоне Абрахамом Мишеллом (Abraham Michell). Он писал, среди прочего: „курьер, о котором я упоминал и который доставил депеши князю Голицыну, очень хорошо показывает, что российское министерство все еще весьма раздражено связями, установленными [Георгом II] с Вашим Величеством”²².

8/19 июля 1756 года упомянутый курьер, Алфимов, вернулся в Санкт-Петербург, привезя с собой две вышеупомянутые реляции Голицына. Сначала участники Конференции при Высочайшем дворе,

²⁰ D.B. Horn, *Sir Charles Hanbury Williams...*, с. 240; H. Kaplan, *Russia and the Outbreak...*, с. 70–71 (цитирует: Holderness to Newcastle, 23 VI 1756).

²¹ D.B. Horn, *Sir Charles Hanbury Williams...*, с. 238–241 (цитирует письма: Newcastle to Holderness, 20 VI 1756; Holderness to Newcastle, 23 VI 1756; Newcastle to Galitzin, 25 VI 1756); P. Hanczewski, *Dyplomacja brytyjska...*, с. 190–191 (цитирует: Holderness to Keith, 21 V 1756 – возможно здесь ошибка, скорее это должно быть: 21 VI 1756, тем более, что H. Kaplan, *Russia and the Outbreak...*, с. 69, цитирует: Holderness to Keith, 21 VI 1756); T. Szwaciński, *Rosyjsko-brytyjskie stosunki...*, с. 490–491 (цитирует: Holderness to Stormont, 29 VI 1756); P.F. Doran, *Andrew Mitchell...*, с. 75, 95 (цитирует: Holderness to Mitchell 25 VI 1756).

²² A. Michell à Frédéric II, Londres, 25 VI 1756, *Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen*, т. 13, ред. A. Naudé, Berlin 1885, с. 31–33 (№ 7661).

собравшиеся в Царском Селе, заслушали доклад самого Алфимова²³. На следующий день Елизавета Петровна лично присутствовала на заседании. Заслушав доклады из Лондона, императрица посчитала целесообразным подтвердить необходимость реализации плана по ослаблению Фридриха II, мотивировать венский двор для достижения общих целей, связанных с разрушением прусского могущества, и продолжать подготовку к войне. Как и прежде, английские предложения было решено использовать способом, совершенно противоположным намерениям Уайтхолла. О них постановили проинформировать австрийцев, „чем оный двор на действительную против короля прусского войну скорее подвигнуть”, а заодно добиться, чтобы Бург обеспечил французский нейтралитет в этой войне. Петербург, впрочем, выказывал некоторую неудовлетворенность медлительностью Вены. Русская дипломатия опасалась, что Фридрих II, выиграв время, укрепит свою военную мощь и смягчит недовольство французов в отношении себя. Сановники также боялись усиления позиций короля Пруссии путем заключения новых альянсов, учитывая ходившие слухи о секретных переговорах между датским, берлинским и кассельским дворами „конечно, посредством короля английского”. Также было очень вероятно, что Фридрих II может ударить первым. Елизавета Петровна выразила сожаление, что ей пришлось „оставаться в некоторой нерешимости” из-за политики Марии Терезы. Но союз России и Австрии был неразделим, следствием чего стало согласие Санкт-Петербурга на сближение с Францией. Однако простое возобновление дипломатических отношений с Версалем было слишком малой компенсацией за потерю британских субсидий. „Правда, английское, в разсуждении короля прусского, поведение заслужило справедливое Ея Императорского Величества восчувствование, но нынешнее сего двора раскаяние и готовость во всем Ея Высочайшия желании удовлетворять справедливо отринуты быть не могут, ежели французский двор, с своей стороны, совершенным короля прусского оставлением того не наградит, что здесь с английской стороны теряется”. От австрийцев требовались конкретные предложения, чтобы было известно „чего держаться”. Россия была готова к началу военных действий, „так что в случае надобности еще нынешним годом нечто важное предпринято быть могло б”²⁴.

²³ Протокол заседания Конференции, Царское Село, 8/19 VII 1756, СИРИО 136, с. 148–154. Дата получения указана на копии реляции Голицына, Т. Szwaciński, *Dwie relacje...*, с. 133, 140.

²⁴ Протокол заседания Конференции, Царское Село, 9/20 VII 1756, СИРИО 136, с. 155–159.

Пакет с инструкциями для Уильямса прибыл в Петербург одновременно с реляциями Голицына, потому что (как сказано выше) его привез тот же российский курьер Алфимов. Тем не менее, британский дипломат не был сразу проинформирован о прибытии этих документов. Он знал, что Конференция при Высочайшем дворе собирается на заседания в Царском Селе, но пока не мог сообщить никаких подробностей о ней в Лондон²⁵.

Только после возвращения двора в Санкт-Петербург (10/21 июля) британский дипломат смог прочитать привезенные для него инструкции. Тот факт, что в Царском Селе не спешили немедленно переправить пакет в британское посольство, может служить интересным свидетельством того, как русские относились к своему, с формальной точки зрения все еще, союзнику²⁶. Дипломат сообщил в Уайтхолл, что реляции российского посла из Лондона рассматривались Конференцией, но информация, которую получил Уильямс, была в основном ложной. Он убеждал Лондон, что донесения Голицына укрепили британские позиции в Санкт-Петербурге²⁷. Враги Британии были, якобы, в большом замешательстве

²⁵ Williams to Holderness, St Petersburg, 20 VII 1756, TNA SP 91/63.

²⁶ „The two other letters [of the 25 June] were here four days before they were delivered to me, for, at that time, the two chancellors were in the country, with the empress; and I did not receive them, till their return here, which was on Wednesday last. I read Your Lordship's long dispatch, with the utmost attention. The king's wisdom, and generosity, must have the wished effect, if this court has any regard left to their own interest, or the liberties of Europe”, Williams to Holderness, St Petersburg, 23 VII 1756, TNA SP 91/63.

²⁷ „As I am desired by my best friends here, to be very cautious of what I send by the post, even in cipher, I dare not venture to inform Your Lordship of some material incidents, that have lately happened here, in our favour, neither will I ever take upon me to say what will, or what will not, happen at this court; but of this Your Lordship may be assured, that prince Gallitzin's last dispatches have had a great effect here. That minister's letters have done justice to the king's sentiments, and give our friends great advantages over our enemies. A council was held, in the presence of the empress, upon those letters, on Monday last, in which the great chancellor acted his part with wisdom, and courage; and though I dare not enter into particulars, I can assure Your Lordship, that he is fully satisfied with the success of that day. He displayed all the advantages of the old system, particularly of the alliance with England, and the danger, as well as shame, of a abandoning that alliance; in such a manner, as to make the empress attend to, and approve of, all he said; and I know he is persuaded, himself, that he is, now, actually able to bring back this court from it's late errors, and to defeat all the schemes of our enemies, particularly those, that relate to a connection between this court and that of Versailles. He has advised me to demand a conference, immediately, and has given me all the helps in his power, and furnished me with all his lights, for my behaviour at that conference, which certainly will be a decisive one, with respect

из-за последней Конференции. Эстергази пытался сорвать переговоры Уильямса, но безуспешно, в результате Бестужев убедился в дурных намерениях австрийского дипломата, действовавшего в полном согласии с французами²⁸. Кроме того, благодаря утечке информации Уильямсу удалось узнать содержание сообщения Голицына, которое касалось британского дипломата лично. В связи с этим он потребовал от своего начальства, чтобы российскому дипломату в Лондоне объявили, что Георг II доволен его, Уильямса, работой в Санкт-Петербурге. Он подчеркивал, в каких трудных условиях ему пришлось выполнять свою миссию, которая могла быть успешной только благодаря его дружбе с Бестужевым и Екатериной Алексеевной²⁹. Он также предоставил дополнительную информацию, свидетельствующую о ненависти Елизаветы Петровны к Франции и ее непреходящей привязанности к Англии³⁰.

В середине августа Конференция при Высочайшем дворе вновь ознакомилась с двумя вышеупомянутыми июньскими реляциями Голицына. В связи с британскими предложениями начать новые британско-российские переговоры в Лондоне, было еще раз озвучено намерение использовать все возможное „что только силы короля прусского в желаемое сокращение привести может”. Между тем российские заявления в Вене и Версале, уже сделали невозможными новые официальные переговоры с Великобританией. Правда в связи с тем, что Санкт-Петербург еще не получил удовлетворительных ответов от Австрии и Франции „то разсуждено, дабы для всякого случая и Англию не совсем во удалении содержать”. Поэтому в случае предложения британцами

to the future behaviour of this court. No man can behave better than the great chancellor does, and his friendship to me is as firm, as it is useful”, там же.

²⁸ Там же.

²⁹ „Whilst the king employs me, I cannot doubt, but that he will support me. I serve His Majesty with zeal, and with all the diligence, my health will permit; and I do humbly beg, that, if His Majesty is satisfied with my service, that he would order Your Lordship to tell prince Gallitzin, that, having heard that there were reports raised, at Petersburg, as if His Majesty was not contented with my proceedings here, and had therefore thought fit to recall me, that such reports were without foundation; and that I had not done anything to merit his displeasure. I hope His Majesty will not think this request impertinent, especially when he considers, that all the foreign ministers, at this court, are, at present, in the French interest, and that I stand alone here, and that these false reports, though they do not keep their force long, yet whilst they last, do harm. Indeed if it was not for the friendship of the great chancellor and one person more, whom I need not name, the torrent would be too strong for me. It would be almost impossible for me to gain any intelligence, and to serve the king as I ought to do at this difficult court”, там же.

³⁰ Там же.

предварительного плана дальнейших переговоров, на него через посредство Голицына следовало согласиться, обещая дать российский ответ через некоторое время. Аналогичным образом было решено ответить Уильямсу. „Хотя сей ответ ни к чему не обязует и Ея Императорское Величество совсем свободныя руки иметь будет с Англиею по усмотрению во что либо вступить или нет, – то однако ж дабы по получении и сего пространного с английской стороны плана не быть в затруднении, какую резолюцию принять, ежели б, паче ожидания, до того времени решительный с стороны венского и французского двора ответ получен не был”. Таким образом предполагалось оказывать давление на венский двор, чтобы добиться его согласия с российским планом нападения на Фридриха II. Чтобы добиться, в случае необходимости, нейтралитета Франции в отношении нападения на Пруссию, Елизавета Петровна выражала готовность присоединиться к Версальскому договору еще до официального возобновления дипломатических отношений между Францией и Россией³¹.

Отчеты Уильямса показывают, насколько эффективной была тактика дезинформации британского дипломата, использовавшаяся русским двором. Несмотря на растущие сомнения, он постоянно сообщал, что есть хороший шанс удержать Санкт-Петербург в союзе с королем Англии³². Прочная позиция Бестужева, по словам Уильямса, способствовала этому. Французские и австрийские интриги, хотя и доставляли немало хлопот, но не смогли изменить ситуацию. Уильямс надеялся, что если Россия примет 100 000 фунтов в виде субсидий, это окончательно решит дело в пользу Британии³³.

Однако уже ближайшее будущее ярко показало, насколько искаженное представление о политике России получали дипломаты Уайтхолла от своего посла в Санкт Петербурге.

³¹ Протокол заседания Конференции, 2/13, 5/16 VIII 1756, СИРИО 136, с. 163–165. Записка, положенная в основу решений, принятых Конференцией, была вероятно сделана на оригинальной реляции Голицына от 11/22 июня 1756 г. (Ю.С. Медведев, *Русско-английские отношения...*, с. 62, 78). Интересен вопрос, чьей рукой это было написано?

³² „I will never pretend to say anything positive about this court. Appearances are, certainly, at present, favourable for us. But, as there is still another council to be held, nobody can answer for the event of those deliberations”, Williams to Holderness, St. Petersburg, 14 VIII 1756, TNA SP 91/63.

³³ „The points, I am still labouring, is, to persuade this court to put the finishing stroke to the convention, by receiving the hundred thousand pounds. If this point was, once, obtained, all the rest would follow. But, hitherto, I have never received a positive answer upon that head”, Williams to Holderness, St Petersburg, 17 VIII 1756, TNA SP 91/63.

В заключение отметим, что для русских было очевидно, что союзнические отношения Великобритании и Пруссии обесценивают соглашение Петербурга и Лондона, так как главной целью двора Елизаветы Петровны было ограничить силы Фридриха II. Однако с британским «предателем» расправились весьма осторожно, не желая преждевременно раскрывать карты. Естественным доказательством этого была дезинформация Уильямса. Однако вполне вероятно, что демонстративное игнорирование английского посла после апрельской/майской конференции, было равномерно продиктовано желанием удержать англичан в убеждении, что неприятности ограничиваются кадровыми вопросами. Политики в Лондоне легко *swallowed the bait*, начав акции (предложение новых переговоров), заранее обреченные на провал, но приносящие пользу России в отношениях с союзниками из антипруссского лагеря. Это в свою очередь точно противоречило интересам Британии.

Томаш Швациньски, выпускник Института истории Варшавского университета. Получил докторскую степень в 2012 г. С того же года – научный сотрудник в Национальной библиотеке в Варшаве (с 2018 года возглавляет Институт книги и читательства). В сферу его научных интересов входят внешняя политика России в период правления Елизаветы Петровны и история польских коллекций, вывезенных в Россию, особенно судьба Библиотеки Речи Посполитой (Залусских).

Избранные публикации: *The Collectio Autographorum of the Imperial Public Library. Its contents and history in St. Petersburg and Warsaw*, „Polish Libraries”, 2014, т. 2, с. 194–213; „Refleksje” *kanclerza koronnego Jana Małachowskiego (1755–1757)*, „Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej”, 2019, т. 54, № 1, с. 27–57; *Starania Czarторыських o wciągnięcie Rosji w sprawy polskie w 1754 r. (sprawa rzekomej gwarancji)*, „Kwartalnik Historyczny”, 2020, т. 127, № 3, с. 507–540; *Dresden in der russischen Politik am Vorabend des Renversement des alliances. Die sächsischen Bemühungen um einen Subsidienvvertrag mit Großbritannien oder Frankreich (1754–1756)*, „Neues Archiv für sächsische Geschichte”, 2023, т. 94, с. 85–112.

Tomasz Szwacinski, absolwent Instytutu Historycznego Uniwersytetu Warszawskiego. Stopień naukowy doktora uzyskał w 2012 r. Od tego roku pracownik naukowy Biblioteki Narodowej w Warszawie (od 2018 r. kierownik Instytutu Książki i Czytelnictwa). Zainteresowania badawcze obejmują politykę zagraniczną Rosji w dobie panowania Elżbiety Piotrówny oraz dzieje zbiorów polskich wywiezionych do Rosji ze szczególnym uwzględnieniem losów Biblioteki Rzeczypospolitej (Załuskich).

Wybrane publikacje: *The Collectio Autographorum of the Imperial Public Library. Its contents and history in St. Petersburg and Warsaw*, „Polish Libraries”, 2014, т. 2, s. 194–213; „Refleksje” *kanclerza koronnego Jana Małachowskiego (1755–1757)*, „Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej”, 2019, т. 54, nr 1, s. 27–57; *Starania Czarторыських o wciągnięcie Rosji w sprawy polskie w 1754 r. (sprawa rzekomej gwarancji)*, „Kwartalnik Historyczny”, 2020, т. 127, nr 3, s. 507–540; *Dresden in der russischen Politik am Vorabend des Renversement des alliances. Die sächsischen Bemühungen um einen Subsidienvvertrag mit Großbritannien oder Frankreich (1754–1756)*, „Neues Archiv für sächsische Geschichte”, 2023, т. 94, s. 85–112.

Tomasz Szwaciński, A graduate of the Historical Institute of the University of Warsaw. He obtained PhD degree in 2012. From that year, he is a researcher at the National Library in Warsaw (since 2018, head of the Institute of Books and Reading). Research interests include Russian foreign policy during the reign of tsarina Elizabeth Romanova and the history of Polish collections which were moved to Russia, with particular emphasis on the fate of the Library of the Commonwealth (Zaluski).

Selected publications: *The Collectio Autographorum of the Imperial Public Library. Its contents and history in St. Petersburg and Warsaw*, „Polish Libraries”, 2014, vol. 2, pp. 194–213; „Refleksje” kanclerza koronnego Jana Małachowskiego (1755–1757), „Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej”, 2019, vol. 54, no. 1, pp. 27–57; *Starania Czartoryskich o wciągnięcie Rosji w sprawy polskie w 1754 r. (sprawa rzekomej gwarancji)*, „Kwartalnik Historyczny”, 2020, vol. 127, no. 3, pp. 507–540; *Dresden in der russischen Politik am Vorabend des Renversement des alliances. Die sächsischen Bemühungen um einen Subsidienvertrag mit Großbritannien oder Frankreich (1754–1756)*, „Neues Archiv für sächsische Geschichte”, 2023, vol. 94, pp. 85–112.